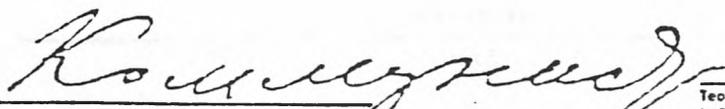

ПОБЕДА НАД НЕМЦАМИ ДАЛАСЬ ЦЕНОЙ ПОТЕРИ ДЕСЯТКОВ МИЛЛИОНОВ
ПОЧЕМУ ЦЕНА ПОБЕДЫ ОКАЗАЛАСЬ СТОЛЬ НЕИМОВЕРНО
ВЕЛИКОЙ?!

- 1 -

А. МЕРЦАЛОВ,
доктор исторических
наук, гвардии
полковник в отставке

**ЦЕНА
ПОБЕДЫ**

Теоретический
и политический
журнал
ЦК КПСС

6'90

СТР. 56-63

Освещение военного периода истории СССР в наибольшей степени поражено сталинизмом и в наименьшей — перестроено в соответствии с требованиями времени. Цена победы — узловая проблема истории войны. Однако наша историография все еще сводит дело лишь к значению победы. Не изжиты пока и известные по военным временам представления: «какая война без жертв», «война спишет все», «победителей не судят». И хотя сегодня уже трудно кого-либо убедить в том, будто не было грубых просчетов руководства СССР накануне и в ходе войны, неоправданных потерь, мы нередко все еще пытаемся объединить добро и зло в ее истории под высокими словами «героическое и трагическое».

С полным основанием мы пишем о прогрессивном воздействии разгрома фашизма на развитие всего человечества, подчеркиваем решающую роль СССР. Но победа, сохранив и упрочив независимость нашей страны, одновременно укрепила диктатуру Сталина; она разрушила фашистские режимы в странах Центральной и Юго-Восточной Европы, но распространила на них влияние сталинизма. Имперские тенденции сталинской дипломатии, общая ее профессиональная ограниченность явились одной из предпосылок возникновения «холодной войны». Этому способствовали и огромные военные потери СССР, породившие самоуверенность правящих кругов НАТО.

Односторонне истолкованы пока источники победы. Наукой признаны исключительная роль овладевшей массами идеи защиты социализма, приобретшего новое содержание патриотизма, исключительное мужество армии и народа, их способность превзойти противника в военном искусстве и технике. Однако историки, по существу, глубоко не исследуют антиисточник — сталинизм, удесятеривший жертвы народа. Не преодолены различные проявления персонификации истории. Место народа и армии в наших трудах все еще занимают Сталин, его окружение да сотня-другая героев-одиночек. Из числа источников победы выпал и географический фактор, в отдельные периоды войны оказавший решающее влияние.

Но главное — пока не определена полностью цена победы, историю войны нельзя считать исследованной. Во всем комплексе вопросов здесь неизбежно выделяется ответственность за неисчислимые жертвы. Именно нежелание раскрывать это и обусловило во многом фальсификацию военной истории.

В умах советских людей мысль о том, какой же ценой досталась победа, возникла давно. Еще 25 июня 1945 года, на другой день после парада на Красной площади, А. Довженко, например, с горечью отмечал в своем дневнике: в «торжественной и грозной речи» маршала Жукова «не было ни паузы, ни траурного марша, ни молчания». Как будто эти «тридцать, если не сорок миллионов жертв и героев... совсем не жили». «Перед великой их памятью, перед кровью и муками не встала площадь на колени, не задумалась, не вздохнула, не сняла шапки».

Нельзя сказать, что в период войны у нас совсем не упоминали о павших. Приказы содержали фразу «вечная слава героям...». Однако число их тщательно обходили молчанием, фарисейски сообщая только о колоссальных потерях немцев. Уже 3 июля 1941 года «великий стра-

./.

ПОБЕДА НАД НЕМЦАМИ ДАЛАСЬ ЦЕНОЙ ПОТЕРИ ДЕСЯТКОВ МИЛЛИОНОВ
ПОЧЕМУ ЦЕНА ПОБЕДЫ ОКАЗАЛАСЬ СТОЛЬ НЕИМОВЕРНО
ВЕЛИКОЙ?! -2-

ЦЕНА ПОБЕДЫ

57

тер» объявил о разгроме «лучших дивизий врага», а 6 ноября, совсем утратив чувство меры, утверждал, что Германия истекает кровью, потеряв 4,5 миллиона солдат и офицеров. По окончании войны Наркомат обороны СССР нарушил нравственную традицию цивилизованных народов, требовавшую опубликования поименных списков погибших и пленных. Первоначально упоминалось о 7 миллионах погибших. Хрущев назвал иное число: 20 миллионов. Брежнев в 1965 году говорил: «более 20 миллионов».

А что историки? Они бездумно повторяли эти цифры. В некоторых разделах 12-томной истории второй мировой войны приведены разрозненные сведения о потерях Красной Армии, например, в операциях за рубежом. Однако до сих пор неизвестны точное число погибших военнослужащих, включая пленных, распределение боевых потерь по периодам войны, видам вооруженных сил, фронтам, армиям, операциям, соотношению потерь двух враждебных коалиций. По-прежнему можно встретить примитивные попытки выдать общие потери восточного фронта вермахта за количество одних лишь убитых, сопоставления потерь только Красной Армии с общими потерями вермахта и его союзников. В последние годы, когда отдельные советские ученые начали углубленное изучение проблемы, речь пошла уже о 27 миллионах погибших граждан СССР. Однако и эту цифру, думается, нельзя считать окончательной.

Число погибших наших военнослужащих, по разным данным, колеблется от 8 до 14, даже до 22 миллионов. Восточный же фронт вермахта, по данным историков ГДР и СССР, потерял 2,8 миллиона. Соотношение этих потерь составит не один к одному, как до сих пор считают некоторые авторы (см., например, «Военно-исторический журнал» № 3, 1990 год, стр. 14—16, 96), а по меньшей мере три — пять к одному. В правомерности сопоставления жертв двух армий, наиболее активных участников враждебных коалиций, едва ли можно сомневаться.

Громадны и материальные затраты СССР. Их изучение также далеко от совершенства. Весьма важные вопросы даже не поставлены. Скажем, насколько целесообразным и эффективным оказалось экономическое обеспечение обороны до начала войны, во что обошлись отступление армии до Ленинграда, Москвы, Сталинграда, Ставрополя, перебазирование производительных сил в безопасные районы и другое. Не осуществлен и сравнительный анализ материальных потерь государств, участвовавших в войне.

Почему цена победы СССР оказалась столь невероятно великой? В отечественной и зарубежной историографии наряду с научным прослеживаются апологетический и нигилистический подходы к решению этого вопроса. Первому свойственны умолчание, преуменьшение негативного в сталинском руководстве войной, попытки объяснить явные просчеты и провалы некими внешними обстоятельствами. Так, ответственность за громадные жертвы среди мирного населения и другой ущерб целиком возлагают на оккупантов. Конечно, агрессор с его человеконенавистническими намерениями и человекоубойной промышленностью на самом деле повинен во всем, но лишь в конечном счете. Ведь правомерно поставить прямые вопросы: а кто пустил его в наш дом, как оказался он в глубине чужой земли, кто позволил ему истребить миллионы беззащитных людей, захватить или уничтожить громадные ценности? Война шла в основном на нашей территории. По некоторым областям ее железный каток прошелся несколько раз. Необходимо также исследовать, всегда ли приказы Сталина о «выжженной земле» были оправданны. Так, ряд специалистов сомневается в

ПОБЕДА НАД НЕМЦАМИ ДАЛАСЬ ЦЕНОЙ ПОТЕРИ ДЕСЯТКОВ МИЛЛИОНОВ
ПОЧЕМУ ЦЕНА ПОБЕДЫ ОКАЗАЛАСЬ СТОЛЬ НЕИМОВЕРНО
ВЕЛИКОЙ?!

- 3 -

А. МЕРЦАЛОВ

58

целесообразности тотального разрушения партизанами железных до-
рог в тылу врага перед наступлением советских войск.

В немарксистской литературе встретить иной подход: про-
тивопоставление «беспощадного использования людских масс совет-
ским руководством... бережливому введению в бой людей с исполь-
зованием больших материальных средств англо-американским». Эта
схема объясняет лишь часть известных фактов. Нельзя отрицать пря-
мую связь между огромными потерями Красной Армии (потери воору-
женных сил США и Англии соответственно 405 тысяч и 375 тысяч) и
уровнем сталинского руководства. Нужно учитывать, однако, и крайне
несправедливое распределение военных усилий внутри антифашист-
ской коалиции. В то время как СССР сковывал главную мощь общего
противника, США и Англия накапливали оптимально необходимые
силы и средства, свободно выбирая время, образ и место действий.
К тому же СССР сразу попал в чрезвычайно тяжелую ситуацию: он
вступил в войну, не имея ни одного союзника. Во всем этом не обо-
шлось, конечно, без грубых просчетов во внешнеполитической дея-
тельности Сталина и его окружения.

Мнению зарубежных специалистов в чем-то созвучны суждения
крайнего толка, появившиеся недавно в отечественной литературе:
якобы вообще и не было нашей победы, поскольку ее добились такой
кровью; что виновников неоправданной потерь надо исторгнуть из
истории; что мы закончили войну, не умея воевать, залили кровью
своей, завалили врагов своими трупами. Но «не умеющий воевать»
не победил бы и ценой 1 : 5. Кстати, зарубежные военные историки,
подчеркивая вклад Красной Армии в дело победы, не сбрасывают со
счетов успешных ее операций, особенно 1944—1945 годов.

Оба отмеченных подхода к решению проблемы методологически
близки, ибо только восхваление или только отрицание — односторон-
ни. Их носители не видят противоположных тенденций в развитии со-
ветского общества вообще и в военный период в частности, все еще
отождествляют социализм со сталинизмом, народ и армию — с «вели-
ким стратегом».

Отвергнув обе эти крайности, обратимся к причинам непомерных
потерь СССР, главная среди которых, на мой взгляд, — уровень руко-
водства подготовкой обороны страны и ведением войны со стороны
Сталина и ряда его ближайших советников. Уровень, отмеченный дик-
татом, некомпетентностью, бюрократизмом, жестокостью. Эти черты
руководства характерны для всего периода сталинизма. Во время же
войны их проявления не только не ослабли, как полагают некоторые
исследователи, а, напротив, усилились. Несомненно, при абсолютной
личной власти Сталина, при сосредоточении в его руках всех ключе-
вых руководящих постов в партии и государстве названные черты не
могли не получить и действительно получили широкое распростране-
ние и в обществе в целом. Больших и малых носителей дилетантизма
и произвола было много и на фронте и в тылу. И тем не менее нет
оснований утверждать, что эти черты стали всеподавляющими. Наряду
с ними и вопреки им с каждым годом войны росли опыт и профессио-
нализм полководцев, командиров, красноармейцев, развивалась ини-
циатива тружеников тыла.

Напомним, что с конца 20-х годов, прилагая нечеловеческие уси-
лия, советские народы осуществляли гигантское оборонное строитель-
ство. Чуть ли не вся деятельность правительства, экономика страны
были подчинены этой цели. Сюда были брошены лучшие научные и
технические кадры, огромные средства. В середине 30-х годов РККА
фактически не уступала ни одной армии мира. Как считает военный

ПОБЕДА НАД НЕМЦАМИ ДАЛАСЬ ЦЕНОЙ ПОТЕРИ ДЕСЯТКОВ МИЛЛИОНОВ
ПОЧЕМУ ЦЕНА ПОБЕДЫ ОКАЗАЛАСЬ СТОЛЬ НЕИМОВЕРНО
ВЕЛИКОЙ?! -4 -

ЦЕНА ПОБЕДЫ

59

историк П. Хоффманн (ФРГ), «Красная Армия в 1935—1936 годы во всех отношениях представляла собой современные вооруженные силы». Автор имеет в виду вооружение, обучение, командный состав и знание вероятного противника. Напомним также, сколь безошибочно определял маршал Тухачевский главное — антисоветское — направление возможной агрессии, подготовку Германией «могучей армии вторжения», основу которой составят «воздушные и быстроподвижные силы», сколь точно угадывал он намерение путем «внезапных, молниеносных ударов» перенести военные действия на территорию противника.

Однако произошло нечто совершенно иррациональное и чудовищное. Перед самым нападением фашистской Германии на СССР было необоснованно репрессировано около 40 тысяч командиров Красной Армии, причем преимущественно тех, кто разделял передовые военно-стратегические взгляды. «Если бы не разгром военных кадров, — утверждал впоследствии генерал А. В. Горбатов, — мы немца не то что до Волги, до Днепра бы не допустили». «Без тридцать седьмого года, — по мнению маршала А. В. Василевского, — возможно, и не было бы вообще войны в срок первом году».

Уже неоднократно отмечалось, что потеря лучших кадров отбросила армию на многие годы назад. Именно на это Гитлер и его советники делали ставку. По данным его адъютанта Н. фон Белова, накануне «Барбароссы» фюрер говорил о Красной Армии как о «войске без руководителей». Обезглавливание армии оказало пагубное влияние на ее моральное состояние в целом, неизбежно усиливая атмосферу недоверия, порождая среди командиров привычку чутко улавливать настроения начальства, предпочитать лакировку, безгласность. Упала дисциплина, наметился определенный отрыв командного состава от рядовых красноармейцев. Этому способствовали, в частности, включение в воинские уставы весьма жестоких положений, согласно которым командир должен был применять для восстановления порядка силу и оружие, а в годы войны — официальное учреждение института ординарцев, введение других офицерских привилегий.

Военными историками еще фактически не изучено, в какой степени повлиять на вооруженные силы бюрократизация, дегуманизация, деинтеллектуализация общества, свойственные той эпохе; был ли у Сталина и его советников вообще какой-либо научно обоснованный конструктивный план военного строительства, развития вооруженных сил, армейских и флотских партийных организаций. Чем объяснить, например, известную чехарду с отменой и введением института комиссаров перед войной и в начале ее? Не ясно, что из военно-теоретического наследия репрессированных полководцев было воспринято Сталиным и его окружением, были ли последние вообще вооружены тем, что называется военной доктриной. На какой почве возникли лозунги «перенести военные действия на территорию врага», «ответить тройным ударом на удар поджигателей войны», ставка на революционный взрыв в тылу агрессора, расчет на легкую победу малой кровью? Ведь эти лозунги не были обеспечены в боевом отношении ни количественно, ни качественно. Было ли это заблуждение или блеф, предстоит еще изучить. Сейчас же можно только с уверенностью сказать, что производство многих видов вооружения, известных перед войной, отставало или вообще не было организовано. Среди них — дальние бомбардировщики, авиадесантная техника, ракетные системы, в том числе и большой дальности.

Поражения 1941—1942 годов привели к безвозвратной потере значительной части кадровой армии вместе с большим количеством вооружения, оккупации противником громадной территории с основными

ПОБЕДА НАД НЕМЦАМИ ДАЛАСЬ ЦЕНОЙ ПОТЕРИ ДЕСЯТКОВ МИЛЛИОНОВ
ПОЧЕМУ ЦЕНА ПОБЕДЫ ОКАЗАЛАСЬ СТОЛЬ НЕИМОВЕРНО
ВЕЛИКОЙ?!

-5-

А. МЕРЦАЛОВ

60

центрами оборонной промышленности. В приказе НКО от 23 февраля 1942 года причины такой катастрофы Сталин свел к внезапности нападения. Однако в том же приказе он назвал этот фактор «привходящим» и уже «исчезнувшим». В действительности к февралю 1942 года фактор внезапности отнюдь не был «израсходован полностью», как утверждал Сталин. Его вредные последствия будут действовать даже после 1945 года. Кроме того, «великий полководец» еще не раз столкнется с этим фактором — от летнего (1942) наступления вермахта до его непредвиденного сопротивления на Зееловских высотах под Берлином.

Следует заметить, что военная наука издавна относилась к важнейшим факторам войны и время. Внезапность же как раз и лишает противника преимуществ этого фактора и тем самым чрезвычайно ослабляет его. Характерно, что впоследствии Сталин в свои пять «постоянно действующих факторов победы» не включил не только время, но и пространство. Может быть, именно потому, что о них невыгодно было вспоминать: он отдал их противнику.

Да, нападение было внезапным, но в каком смысле? Информацией о намерениях противника располагали очень многие — от Сталина до красноармейцев приграничных округов. Правда, ей не разрешали верить, ее распространение каралось. Во всяком случае, нападение было той неожиданностью, которую ожидали. Внезапность скорее состояла в том, что наши войска не были приведены в боевую готовность. Сталин запретил элементарно необходимые мероприятия, предусмотренные уставами, Берия жестко контролировал этот запрет.

Внезапность — это и шок, поразивший руководство. В первые дни Сталин находился, по оценке адмирала И. С. Исакова, в состоянии, близком к прострации. Гибли целые армии, а он уединился на даче в Кунцево. Вся ставка, по мнению генерала А. В. Хрулева, в течение первых недель не могла выйти из состояния паралича. Нечто подобное повторится со Сталиным в октябре — ноябре, когда он замыслил решения о сдаче Москвы и мирном зондировании в отношениях с Германией. Об этом свидетельствуют Жуков, Микоян и другие очевидцы. Внезапным для командования и армии было и возникновение на центральном направлении многократного превосходства противника. Это произошло вследствие произвольной отмены Сталиным плана Генерального штаба, в целом безошибочно определявшего направление главного удара вермахта.

Кто ответствен за внезапность, а следовательно, и за первые слабые цены будущей победы? «Вероломный враг», «благодушные и беспечные» бойцы, «перепуганные интеллигентики», как утверждал Сталин? Или, может быть, развернуть армию не позволило само «вторжение», как заявляют отдельные авторы, явно меняя местами причину и следствие? Ничего подобного. Внезапность обуславливают не только профессионализм и вероломство агрессора, но и беспечность объекта агрессии. Еще в начале XX века было аксиомой: войны империалистами не объявляются, а начинаются внезапно. Эта мысль в 30-е годы была отражена в советских армейских уставах, получила разработку в трудах ученых, в том числе и на опыте вермахта 1939—1941 годов. За внезапность ответственны прежде всего «вождь» и его приближенные: армия не была приведена в боевую готовность по прямой вине Сталина, Молотова, Тимошенко. Несут определенную долю ответственности Генштаб и командования западных округов, не использовавшие имевшиеся возможности (за исключением флота).

Да, противник был лучше отмобилизован. Но не потому, что некие «агрессивные нации», как пытался доказать Сталин в 1945 году, всегда

ПОБЕДА НАД НЕМЦАМИ ДАЛАСЬ ЦЕНОЙ ПОТЕРИ ДЕСЯТКОВ МИЛЛИОНОВ
ПОЧЕМУ ЦЕНА ПОБЕДЫ ОКАЗАЛАСЬ СТОЛЬ НЕИМОВЕРНО
ВЕЛИКОЙ?! — 6 —

ЦЕНА ПОБЕДЫ

61

лучше подготовлены к войне, чем «миролюбивые нации». Подобные экскурсы в теорию несостоятельны, ибо дело тут не в свойствах наций, а в уровне их руководства, способности к трезвой самооценке. А в этом плане и противник оказался не на высоте. Специалисты из ФРГ доказали, что, планируя нападение на СССР, вермахт абсолютизировал опыт своих «походов» 1939—1941 годов и переоценил свои силы. Это явилось главной причиной краха гитлеровского плана скоротечной войны, а значит, и всей агрессивной программы фашистов. Германия и ее союзники не были способны вести длительную войну против СССР и его союзников. Иными словами, вермахт имел немалый опыт, но не сумел им воспользоваться.

Нечто похожее произошло и в обезглавленной Красной Армии. Советские мемуаристы, в частности Василевский, свидетельствовали, что у нас не сумели учесть даже опыт войны в Испании, в которой принимали участие советские добровольцы. Все обобщения наиболее прозорливых военных деятелей, подвергшихся репрессиям, объявлялись «враждебными». Так распорядились с наследием Тухачевского, с обобщенным в Красной Армии опытом ведения партизанских действий. Летом 1941 года советским патриотам в тылу врага пришлось начинать борьбу, почти не имея четких представлений о ее особенностях. Иными словами, неумение или нежелание Сталина и его советников максимально использовать и свой, и чужой опыт способствовали неудачам, многократно умножали цену успеха.

Восточный поход вермахта вовсе не опирался с самого начала на военно-экономический потенциал всех стран, захваченных Германией или зависимых от нее, как это часто у нас подчеркивают. Подобное утверждение фактически смыкается с фашистскими мифами о «непревзойденной силе германского оружия», о Красной Армии как «келессе на глиняных ногах», «крестовом походе Европы против большевизма». Вермахт в июне 1941 года лишь в незначительной мере использовал ресурсы этих стран: западногерманские ученые Г. Амброзиус и В. Хуббард показали, что «полный охват и эффективное использование всех ресурсов были осуществлены *лишь* (курсив мой.— А. М.) во второй фазе войны, начиная с 1942 года, когда стратегия скоротечных войн уже не функционировала и экономика должна была быть перестроена на длительную войну». Когда же Германия привлекла большую часть этих ресурсов, она уже стала безнадежно отставать в военно-экономическом отношении от СССР. Гитлер так и не смог «абсолютно все подчинить войне», как утверждают некоторые наши военные историки. Сказывались и особенности капиталистической экономики того времени, действия патриотов-антифашистов, опасения германских властей за свои тылы.

Повторяя версию о военно-техническом превосходстве вермахта 22 июня, ряд наших историков приводит общее число немецких танков и самолетов, а со стороны Красной Армии — число машин только новейших образцов. Между тем с января 1939 года до начала войны наша промышленность поставила армии около 18 тысяч боевых самолетов, свыше 7 тысяч танков различных — новых и не новых — конструкций. Техника не новейших образцов, и это показала война, могла быть успешно использована в деле.

По западногерманским данным, по вооружению, броневой защите, проходимости немецкие танки 1941 года не удовлетворяли требованиям, которые были предъявлены к ним на Востоке. Это относится не только к танкам и не только к немецким, но и трофейным. В томе 4-м официального 10-томника «Германская империя и вторая мировая война», изданного в ФРГ, показано: вся трофейная техника, за исключе-

ПОБЕДА НАД НЕМЦАМИ ДАЛАСЬ ЦЕНОЙ ПОТЕРИ ДЕСЯТКОВ МИЛЛИОНОВ
ПОЧЕМУ ЦЕНА ПОБЕДЫ ОКАЗАЛАСЬ СТОЛЬ НЕИМОВЕРНО
ВЕЛИКОЙ?! -7-

A. МЕРЦАЛОВ

62

нием части французского автотранспорта и чешских танков, использовалась вермахтом в учебных, охранных и иных целях вне восточного фронта. «...Решение напасть на СССР не было обеспечено достаточно энергичными мерами в области вооружения, — подчеркивается в этом издании. — Его производство не было соотнесено с потенциалом противника, поскольку немецкое руководство исходило из того, что сможет уничтожить военный потенциал Советского Союза в течение нескольких недель имеющимися средствами... 22 июня 1941 года дивизии вермахта с лучшим оснащением были сосредоточены лишь вокруг танковых групп, в то время как в брешах и на флангах использовались в основном дивизии маломощные и малоподвижные. В целом восточная армия вермахта производила впечатление лоскутного одеяла. Это не отвечает высказывавшемуся в послевоенной литературе суждению о том, что Гитлер с помощью маневренной экономики скоротечной войны и ограбления оккупированных территорий смог мобилизовать против СССР мощную, однородно оснащенную армию».

В застойные годы ряд историков и мемуаристов муссировали тезис: «история отвела нам мало времени». Внешне сакраментальный, он скрывает еще одну неправду. СССР 22 июня 1941 года далеко не исчерпал свои возможности для укрепления обороны. Уже к концу 1942 года его индустрия догнала промышленность Германии, хотя и находилась в несравненно более тяжелых, чем до войны, условиях, а в 1943 году перегнала ее и по количеству, и качеству оружия. И это при том, что лучшие специалисты оборонной промышленности были репрессированы, а предвоенная работа отличалась настроениями самоспокоенности и фактами головотяпства.

К концу войны благодаря титаническим усилиям всей страны Красная Армия превзошла противника в профессиональном отношении, однако зачастую использовала далекую от профессионализма своеобразную методологию: «победа любой ценой». «Мы за ценой не постоим» — отнюдь не песенный образ. Это способ действия Сталина и многих его подчиненных. Известно его постоянное требование не останавливаться ни перед какими жертвами. Наиболее одиозный характер носят приказы № 270 (1941 года) и № 227 (1942 года).

Первый из них объявлял «предателями» всех военнослужащих Красной Армии, попавших в плен. Подвергались преследованиям и семьи оказавшихся в плену командиров. Такой приказ, по сути, компрометировал Советское государство, он противоречил международному праву, в частности принципу презумпции невиновности. Не отрицая отдельных фактов преднамеренного перехода на сторону врага, необходимо подчеркнуть, что подавляющее большинство людей попали в плен по вине командования. Оно, а не эти люди, честно выполнявшие свой долг, и должно было нести ответственность. Сложившаяся по вине Сталина практика относительно этих людей, в том числе лишение их льгот участников войны, противоправна, поскольку понятия «оказаться в плену» и «сдаться в плен» далеко не тождественны.

Как реакцию Сталина на поражения под Ленинградом, в Крыму, под Харьковом (вследствие его же просчетов) нужно рассматривать и жестокий приказ № 227. Пропаганда назвала этот приказ «Ни шагу назад!», но с таким содержанием и до этого издавалось немало распоряжений. Вновь оправдывая себя, Сталин на этот раз обвинил, по существу, всех командиров и бойцов в «недисциплинированности», хотя громадное их большинство проявило мужество и преданность Советской Родине. Сталин в этом приказе открыто заявил, что он, по примеру Гитлера, спасавшего свой фронт от развала зимой 1941/42 года, вводит штрафные батальоны и заградительные отряды. И в военном

ПОБЕДА НАД НЕМЦАМИ ДАЛАСЬ ЦЕНОЙ ПОТЕРИ ДЕСЯТКОВ МИЛЛИОНОВ
ПОЧЕМУ ЦЕНА ПОБЕДЫ ОКАЗАЛАСЬ СТОЛЬ НЕИМОВЕРНО
ВЕЛИКОЙ?! - 8 -

ЦЕНА ПОБЕДЫ

63

отношении приказ был ущербным. Он воспрещал любой отход, в том числе и оправданный интересами маневренной войны, что вело к новым безрассудным потерям.

Проявления дилетантства в военном деле, бюрократизма, безразличия к судьбам людей сопровождали нас до конца войны. Характерны, скажем, такие примеры. Один из руководителей артиллерийской промышленности, М. З. Олевский, сообщал, что уже в 1944 году ее возможности значительно превысили потребности фронта. Возникает, однако, вопрос: кто и как исчислял эти потребности, если и в 1944—1945 годы советские войска нередко шли в атаку после явно недостаточной артиллерийской подготовки, умножая наши потери? Генерал Н. А. Антипенко, бывший в свое время заместителем командующего 1-го Белорусского фронта по тылу, с гордостью заявлял в докладе на конференции в 1985 году, что во время Берлинской операции удалось «сберечь» огромное количество снарядов. И это при 100-тысячных людских потерях... О подобной «экономии» прямо или косвенно свидетельствуют и другие многочисленные факты.

Пора задаться и такими вопросами: почему мы до сих пор считаем убитых и пропавших без вести с точностью до миллионов, почему до сих пор не погребены останки сотен тысяч безымянных бойцов, погибших во время войны, а Министерство обороны переложило это на инициативные группы комсомольцев и даже пионеров?

Известно, что у нас практически нет семьи, в которой не было бы жертв войны. СССР потерял десятки миллионов наиболее активных и дееспособных граждан. Память о них священна. Она не зависит от того, были жертвы обусловлены военной целесообразностью или нет. С другой стороны, высокая цена победы не может затмить вклада советских народов в разгром фашизма. Наши вооруженные силы постоянно отвлекали на себя большую часть войск противника. Более двух третей его потерь приходится на наш фронт. Об этом мы говорим без всяких оговорок. Недаром многие западные исследователи отождествляют провал «восточного похода» гитлеровцев с итогами всей второй мировой войны.

Среди источников победы на первый план справедливо выдвигается массовый героизм советских людей. Но в наших книгах он до сих пор представлен отдельными подвигами, совершенными в экстремальных условиях. Ничуть не преуменьшая их значимости, пора обратить внимание на главное — коллективный подвиг частей, соединений, заводов, колхозов. Это героизм другого рода — длительный и тяжелый, это ратный труд миллионов красноармейцев в условиях постоянной смертельной опасности, беззаветный труд миллионов рабочих, крестьян, служащих, научно-технической интеллигенции, при предельном напряжении духовных и физических сил, часто в условиях голода и холода. И святой долг советских ученых — создать наконец историю, достойную великой Победы, завоеванной столь непомерно высокой ценой.

— АСФ —

DATE MONTH YEAR
18.5.90

Трагедия плена не кончается и сегодня

8

МОСКОВСКИЕ НОВОСТИ

№ 19, 13 мая 1990 г.

ПО ТУ СТОРОНУ ФРОНТА

ЧТО САМОЕ страшное на войне? И маршал Иван Баграмян, и трижды Герой Александр Покрышкин, и рядовой Николай Романов без орденов и званий отвечали единственным словом — плен.

— Страшнее смерти? — пытался солдат Николай Романов, когда четверть века тому назад в святой день 9 мая мы пили с ним горькую водку на помин души русских мужиков, что никогда не вернутся вот в эту осиротевшую деревню на берегу Волги.

— Страшнее! Смерть — это твое. А ежели плен, то беда многих...

Тогда, в 1965-м, я и представить не мог даже приблизительно границы той трагедии, что накрыла миллионы и миллионы, не знал я, что запалом той трагедии были всего несколько строк устава внутренней

службы Рабоче-Крестьянской Красной Армии: советский воин против своей воли не может оказаться в плену. А если оказался — изменник Родины.

— Сколько же было этих «изменников»?

— За годы войны шинель солдата, — сообщил мне в городе Подольске заместитель начальника Центрального архива Министерства обороны СССР полковник Иван Ярошенко, — надевали 32 миллиона человек. 5 734 528 из них были взяты противником в плен.

Позже я узнал, где это произошло и когда. И так, наиболее трагичные потери Красной Армии пленными были в следующих сражениях: Белосток — Минск, август 1941 года — 323 тысячи; Умань, август 1941 года — 103 тысячи;

ТРАГЕДИЯ ПЛЕНА

(2)

Смоленск — Рославль, август 1941 года — 348 тысяч; Гомель, август 1941 года — 30 тысяч; Демянск, сентябрь 1941 года — 35 тысяч; Киев, сентябрь 1941 года — 665 тысяч; Луга — Ленинград, сентябрь 1941 года — 20 тысяч; Мелитополь, октябрь 1941 года — 100 тысяч; Вязьма, октябрь 1941 года — 662 тысячи; Керчь, ноябрь 1941 года — 100 тысяч; Изюм — Харьков, май 1942 года — 207 тысяч. В плен попадали даже в феврале 1945 года (Венгрия) — 100 тысяч.

В том же архиве в подмосковном городе Подольске хранится еще два с половиной миллиона карточек — «пропавшие без вести». Два с половиной миллиона тех, кто не вернулся домой. Специалисты считают: два миллиона из них до сих пор лежат по лесам и болотам России, ну а тысяч 200 надо прибавить опять же к пленным. Доказательства? В тот же архив нет-нет да и придет весточка откуда-нибудь из Австралии или Соединенных Штатов: был в плену, прошу подтвердить, что участвовал в боях против фашизма.

Этому повезло, этот выжил. У большинства же была иная доля. Немецкая статистика зарегистрировала: 280 тысяч погибли в пересыльных лагерях и 1 030 157 человек казнены при попытке к бегству, умерли на заводах, шахтах уже в самой Германии.

Многих наших солдат и офицеров скосил голод еще по дороге в стационарные лагеря. Только за ноябрь — декабрь 1941 года умерли почти 400 тысяч человек. Сравним (ведь мир познается в сравнении?): за все годы войны в Германии было 235 тысяч 473 английских и американских военнопленных, умерли 8 348 человек. Может, наши изначально здоровьем были слабее? Вряд ли. Причины иные. На Западе считают: миллионы наших погибших пленных — жертвы не только фашизма, но и самой сталинской системы. Половину умерших от голода (самое малое) можно было бы спасти, если б Сталин не назвал их изменниками и не отказался бы послать им продовольствие через Международный Красный Крест.

Можно спорить, сколько бы выжило, но то, что мы действительно отказались от своих пленных, — это факт. Женевскую конвенцию, которая определяла правовой статус военнопленных, Советский Союз не подписал. Форма отказа была в духе иезуитского характера «вождя народов».

С точки зрения Сталина ряд положений конвенции несовместим с теми нравственными и экономическими институтами, что были присущи «самой свободной стране» мира. Конвенция, оказывается, не гарантировала права военнопленных как трудящихся: низкая оплата труда, отсутствие выходных дней, неопределенность рабочего дня. Не устраивали и привилегии для отдельных групп военнопленных. На словах вроде бы куда как гуманно. Но большее лицемерие трудно представить. Какими привилегиями

в это же самое время пользовались миллионы в лагерях ГУЛага? Какие там были гарантии и сколько выходящих?

В августе 1941 года Гитлер разрешил делегации Красного Креста посетить лагерь для советских военнопленных в Хаммерштадте. Именно после этих контактов и появился призыв к Советскому правительству направить продовольствие для наших солдат и офицеров. Мы готовы выполнять и следовать нормам Женевской конвенции, был примерно таков ответ из Москвы, но послать продовольствие в данной ситуации и при данном контроле все равно что делать подарки фашистскому врагу.

Ответ удивил. Не читали представители Красного Креста знаменитый приказ Сталина. Приказ № 270, подписанный 16 августа 1941 года. Иначе бы поняли, как наивны их просьбы и предложения и как огромна ненависть Сталина к тем, кто оказался по ту сторону фронта.

И неважно было, кто, где, как и почему. Даже мертвые считались преступниками. Генерал-лейтенант

Владимир Качалов, читаем мы приказ, «находясь вместе со штабом группы войск в окружении, проявил трусость и сдался в плен немецким фашистам. Штаб группы Качалова из окружения вышел, пробился из окружения части группы Качалова, а генерал-лейтенант Качалов предпочел сдаться в плен, предпочел дезертировать к врагу».

А генерал Владимир Качалов уже 12 дней обгорелый лежал в танке у смоленской деревни Старинка, так и не прорвавшись к своим. Но это никого не интересовало. Были заняты другим — искали козлов отпущения, на которых можно было бы выместить всю свою злобу, искали врагов народа, которые предательством и трусостью опять перепутали победные карты великого полководца.

Не тогда ли нас еще и еще раз «убедили»: к любой трагедии, к любой неудаче, будь то провал планов первой пятилетки или гибель сотен тысяч солдат на Днепре, высшие эшелоны власти — вожди — никакого отношения не имеют. Мало того, у этих несчастий не может быть и объективных причин. Только происки вредителей. И противников светлого строя. Десятки лет, с тридцатых годов до сих пор, мы постоянно ищем не там, но все же находим козлов отпущения. Тогда, в

первое лето войны, их оказалось достаточно. И тем лучше. 4 июня 1940 года в Красной Армии были восстановлены генеральские звания. Их получили 966 человек. Больше 50 в первый же год войны попали в плен. Многие, очень многие из них позабывают своим товарищам-генералам, тем 150, что погибли позже на полях сражений. Муки плена оказались темнее могилы. По крайней мере судьбы генералов Павла Понеделина и Николая Кириллова, названных в том же приказе № 270, убеждают именно в этом. Годы немецких лагерей они прошли, не дрогнув, не согнувшись. В апреле

DATE 18.5.90

(3)

ТРАГЕДИЯ ПЛЕНА

1945 года союзники освободили их, передали советской стороне. Казалось, все позади, но август 1941-го им не забыли. Арестовали уже после «государственной проверки». Пять лет политической тюрьмы в Лефортове. И, наконец, расстрел 25 августа 1950 года.

«Последним трагическим аккордом того отношения к кадрам, которое сложилось у Сталина до войны, были обвинения в измене и предательстве, выдвинутые им летом против командования Западного фронта Павлова и Климовских и ряда других генералов, среди которых, как потом выяснилось, были и люди, до конца непримиримо державшие себя в плену». Это оценка знаменитого летописца войны Константина Симонова. Она появится в 60-е годы, а в лихие военные незыблемо верили: пленные (и генералы, и солдаты) виновны. Другой мерки просто не было.

Международное право нам говорит: военный плен — это не преступление, «военнопленный должен быть неприкосновенным, как суверенитет народа, и священным, как несчастье». Это для других, а для нас был иной закон — сталинский приказ № 270.

Если «...часть красноармейцев вместо организации отпора врагу предпочитают сдать его в плен — уничтожать их всеми средствами, как наземными, так и воздушными, а семьи сдавшихся в плен красноармейцев лишать государственного пособия и помощи».

Командиров и политработников, «...сдающихся в плен врагу, считать злостными дезертирами, семьи которых подлежат аресту, как семьи нарушивших присягу и предавших свою родину дезертиров».

Всего несколько строк, а за ними сотни тысяч детей и стариков, умерших с голоду лишь потому, что их отец или сын оказался в плену.

Всего несколько строк, но они — приговор тем, кто и не помышлял о преступлении, кто только ждал письма с фронта.

Прочитав эти строки, понял я, какое горе они несли ни в чем не повинным людям, понял и тайную скорбь тех слов, что четверть века назад сказал мне рядовой Николай Романов: «Твой плен — беда многих».

Я понял, почему для наших солдат самым страшным было не умереть, а оказаться среди «без вести пропавших» и почему перед каждым боем, особенно перед форсированием рек, они просили друг друга: «Браток, если утону, скажи, что видел, как меня убило».

Вступая на шаткий понтон и как бы признавая, что в плену можно оказаться только по своей вине, они мысленно оглядывались назад не из страха за собственную жизнь, их мучила и волновала жизнь тех, кто остался дома.

Но разве виноваты сотни тысяч солдат, что оказались в котле под Вязьмой, когда Гитлер начал операцию «Тайфун» — наступление на Москву. «И самое главное — не сдавать позиции», — приказывала Ставка Верховного! И армия неистово рыла окопы фасом на запад, когда танковые клинья уже охватывали их с востока.

Начальник штаба сухопутных

войск вермахта генерал Гальдер напишет по этому случаю в своем дневнике: «4 октября. 105-й день войны. Противник продолжает всюду удерживать неатакованные участки фронта, в результате чего в перспективе намечается глубокое окружение этих групп противника».

Кто должен был увидеть эти клинья? Солдат из крохотного окопа или Сталин из Ставки? А в результате? Кто оказался в плену? Кто предал Родину? Солдат.

207 тысяч 47 человек (это самые последние данные) попали в окружение под Харьковом в мае 1942 года. Когда Хрущев был у власти, виноватым считался Сталин. Когда пришел Брежнев, виновным стал снова Хрущев, который, кстати, за то поражение, которое открыло немцам дорогу к Волге, получил от Сталина лишь предупреждение. А кто тогда предал Родину, кто оказался в плену? Солдат.

19 мая 1942 года — дата катастрофы нашей армии в Крыму. «Керченскую операцию следует считать законченной. 150 тысяч пленных и большие трофеи» — это документ с немецкой стороны. А вот документ с советской, процитированный

К. Симоновым: «Я был на Керченском полуострове в 1942 году. Мне ясна причина позорного поражения. Полное недоверие командующим армиями и фронтом, самодурство и произвол Мехлиса. Запретил рыть окопы, чтобы не подрывать наступательного духа солдат».

Свой человек Сталина, а тогда начальник Главного Политуправления, первый комиссар армии и флота Лев Мехлис после поражения вернулся в Москву. А солдат? Солдат остался в плену.

Кто спорит, любая война без предательства не война. Были среди пленных и такие. Если сравнить с миллионами их товарищей по плену — капля в море. Но капля была. Никуда не денешься. Одних убеждали листовки типа вот этой:

«Убийственный баланс большевизма.

В годы революции и гражданской войны было убито 2 200 000 человек.

За годы голода и эпидемий в 1918—1921, в 1932—1933 годах погибло 14 500 000 человек.

Умерло в лагерях принудительного труда 10 000 000 человек».

Некоторые говорили и так: иду не против народа, иду против Сталина.

Но большинство вступало в фашистские формирования с одной

ТРАГЕДИЯ ПЛЕНА

*В июле 41-го их гнали из-под Смоленска уже на запад, в июне 42-го они умирали под Харьковом, раненые, без куска хлеба, без капли воды. Сперва их были сотни тысяч, потом миллионы — советских солдат, попавших в плен.
Эти фотографии найдены среди документов убитых фашистов.*

ТРАГЕДИЯ ПЛЕНА /5/

только надеждой: начнется первый бой — перебегу к своим. Не всем удавалось, хотя известен и такой факт. 14 сентября 1943 года, когда подводили итоги Курской битвы, Гитлер объяснил поражение «предательством вспомогательных частей»; действительно, на сторону Красной Армии на южном участке тогда перешли 1 300 человек практически целый полк. «Но теперь с меня хватит, — сказал Гитлер. — Приказываю разоружить немедленно все части и послать всю эту банду на шахты Франции».

Надо признать, дольше всех отвергал предложения сформировать воинские части из советских пленнх именно Гитлер, хотя еще в сентябре 1941 года полковник фон Тресков разработал план создания 200-тысячной русской антисоветской армии. Только где-то накануне Сталинградской битвы, когда пленнх насчитывались уже миллионы, фюрер наконец согласился.

Всего удалось создать более 180 частей. Из них русских — 75, кубанских, донских и терских казаков — 216, туркестанских и татарских (из Татарии и крымских татар) — 42, грузинских — 11, народов Север-

ного Кавказа — 12, азербайджанских — 13, армянских — 8.

Численность этих батальонов по национальной принадлежности (данные на 24 января 1945 года) была такова: латышей — 104 000, литовцев — 36 800, азербайджанцев — 36 500, грузин — 19 000, народов Северного Кавказа — 15 000, татар (Татария) — 12 500, крымских татар — 10 000, эстонцев — 10 000, армян — 7 000, калмыков — 5 000. А русские? По официальным данным «правительства» адмирала Деница, на 20 мая 1945 года существовали 599-я русская бригада — 13 000, 600-я 12 000, 650-я — 18 000 человек.

Если все это собрать вместе (как вот сейчас), кажется, много было служивших на той стороне. Но если помнить — только 20 процентов этих сил участвовало в боевых действиях, помнить, что это набрано из миллионов военнопленных, что тысячи и тысячи переходили линию фронта, возвращаясь к своим, то шифра явно померкнет.

Одна деталь — спецслужбы рейха больше всего заботились о формировании батальонов нерусской национальности, словно знали: особенно они потребуются после войны, когда в предательстве станут обвинять целые народы, от грудных младенцев до глубоких стариков. И

не разбирались, сидел ты или служил, — все равно враг.

Но сами пленные этого еще не знали, все было впереди. Горькое похмелье от свободы наступит чуть позже. И для тех, кто сам бежал из лагерей (по оценкам министра вооружений Германии Шпеера — 500 тысяч в 1944 году), и для тех, кто после освобождения частями Красной Армии (более миллиона солдат и офицеров) снова сражался в ее рядах.

Долго, очень долго о весне 1945-го мы судили лишь по распоряжениям вчера еще грозных маршалов — выделить молоко для детей Берлиза, накормить женщин и стариков. Поверьте, читая те документы и вспоминая, как сам я в это время вместо хлеба пытался жевать распаренную рожь, ел суп из собачатины (бабушка лишь перед самой смертью призналась, что ловила собаку, чтоб спасти нас от голода), так вот, читая те приказы, я готов был заплакать от умиления: какое благородство — так думать и заботиться о немецком народе.

И кто из нас ведал, что в это же время к маршалам из Кремля по поводу своего народа уходили иные приказы.

«Командующим войсками 1 и 2 Белорусских, 1, 2, 3 и 4 Украинских фронтов. Тов. Берия, тов. Меркулову, тов. Абакумову, тов. Голикову, тов. Хрулеву, тов. Голубеву.

Военным советам фронтов сформировать в тыловых районах лагеря для размещения и содержания бывших военнопленных и репатрируемых советских граждан на 10 000 человек каждый лагерь. Всего сформировать: во 2 Белорусском фронте — 15, в 1 Белорусском фронте — 30, в 1 Украинском фронте — 30, в 4 Украинском фронте — 5, во 2 Украинском фронте — 10, в 3 Украинском фронте — 10 лагерей.

Проверку возложить: бывших военнослужащих Красной Армии — на органы контрразведки «СМЕРШ», гражданских лиц — на комиссии НКВД, НКГБ, «СМЕРШ».

И. Сталин».

Звоню начальнику Института военной истории Министерства обороны СССР генерал-полковнику Дмитрию Волкогонову:

— Где вы нашли этот приказ? Мне и в КГБ, и в МВД СССР отвечают: у нас нет ничего.

— Этот — в личном архиве Сталина. Лагеря были, значит, есть и бумаги, из которых все можно узнать: кто, куда, чем кормили, о чем дума-

DATE: 18.5.90

ТРАГЕДИЯ ПЛЕНА /6/

ли. Вернее всего, документы — в системе МВД. Конвойные войска подчинялись этому ведомству. Там было управление по делам бывших военнопленных. Ищите.

И я искал. Первый заместитель начальника нынешнего Главного управления по исправительным делам МВД СССР (ГУИД) генерал-майор Петр Мищенко искренне удивился: впервые слышу, рад помочь, да нечем. Знаю, была в Чунском районе Иркутской области колония. Туда действительно попадали после проверки в фильтрационных лагерях, о которых речь в приказе Сталина. Все осуждены по статье 58 — измена Родине.

Одна колония... Куда же делись остальные люди? Ведь работало 100 лагерей. Единственное, что удалось выяснить: к 1 октября 1945 года они «профильтровали» 5.200 тысяч советских граждан. 2.034 тысячи сюда передали союзники — 98 процентов из тех, кто находился в западных зонах Германии, большинство военнопленные. Сколько вернулось домой? А сколько ушло согласно приказу № 270 уже в советские концлагеря? Подлинных документов у меня на руках пока нет. Только снова оценки Запада да отдельные свидетельства очевидцев.

С одним из них я разговаривал на Колыме. Бывший «изменник Родины», а тогда главный бухгалтер прииска «Среднекан» Виктор Масол рассказывал мне, как в июне 1942-го в придонских степях после харьковской катастрофы их, безоружных, голодных, оборванных красноармейцев, немецкие танки сгоняли в тысячные кучи, словно овец. Потом товарные вагоны в Германию, месил бетон для райха, через три года — товарные вагоны из Германии через всю Советскую страну. До Тихого океана. В порту Ванино грузили в трюмы парохода «Феликс Дзержинский», который до этого носил имя наркома ВД — «Нико-

лай Ежов». Курс — Магадан. За неделю пути кормили только раз — через люк спускали бочки с серой мукой, залитой кипятком. И они, обжигая руки, давая друг друга, выхватывали это месиво и совали, задыхаясь, в рот: быстрее всего люди теряют разум от голода. На рейде бухты Нагаева, кто умер в дороге, выбрасывали за борт, живые уходили в тайгу, опять за колючую проволоку, теперь уже родных лагерей.

Выжили, вернулись единицы. Да и те были словно прокаженные. Изгой. Сколько раз слышали: лучше бы пустили себе пулю в лоб...

О пуле в лоб в 40—50-е годы думали многие пленные. И тогда, когда напоминали из милиции: «Два дня уже просрочил» (все пленные

стояли на специальном учете с обязательной отметкой по строго определенным числам): и тогда, когда каждый мог тебе бросить: «Ты помолчи, отсиделись в плену на фашистских харчах...»

И они молчали.

В 1956-м, после доклада Хрущева о Сталине, говорить вроде было можно. Вроде стали пленные уже не враги народа, но как бы и не совсем еще защитники Родины — что-то среднее. На бумаге так, а в жизни все иначе.

Два года назад накануне светлого

9 мая брал я интервью у председателя Советского комитета ветеранов войны генерал-полковника Алексея Желтова. Как принято, рассказал он мне про праздник со слезами на глазах, про советского солдата с баяном на улицах весенней Вены. Но тут меня черт и дернул:

А бывшие пленные — ветераны войны?

— Нет, не ветераны. Не о ком писать, что ли? Вон у нас сколько настоящих солдат...

Если б только один Алексей Желтов, старый испытанный комиссар, так думал — не бог весть какая беда. Несчастье в другом: исповедует эту веру большинство военных чинов. И те, что давно ушли на покой, и те, что еще в командирах. Почти сорок лет как осиротели, живем без «отца народов», а заветы его чтим и почитаем, порой сами того не замечая.

Кровь людская не водица. Но она оказалась и прекрасным консервантом сталинской морали. Густо замешена. И через несколько поколений не пропала, живет. И нередко побеждает. Попробуй вспомни хоть в будни, хоть в светлый праздник проблему пленных (и до меня эту тему трогали не однажды, и не бог весть какой я тут открыватель), реакция была всегда однозначна: лучше о другом. А не услышишь «добрый совет» — могут и прикрикнуть зычным командирским голосом: не надо!

Перед кем бить челом? Перед правительством, перед Верховным Советом? В какие красные стены Кремля стучаться: верните пленным достоинство солдата, верните им честное имя.

Достучишься. Спросят: «На что жалуетесь? Какое постановление вас не устраивает? Ах, нет постановления. Беспокоит только прошлое? Странно...»

Но более странно, что до сих пор у нас есть еще настоящие солдаты, настоящие герои, настоящие люди,

DAY MONTH YEAR
18.5.90ТРАГЕДИЯ ПЛЕНА

/ 6 /

а значит, есть и ненастоящие. До сих пор еще наша жизнь как фронт на войне, до сих пор по старой, не отпускающей наши души привычке мы продолжаем расставлять людей — кто по эту сторону, кто по ту. Вроде и нет уж закона, и нет приказа № 270, и не с кем и не с чем бороться, а все равно: что было когда-то названо черным, в лучшем случае может стать лишь серым, но никак не белым.

...Девятое мая. Плачет и радуется страна. Надевают мужики ордена, разливают вино, вспоминая товарищей. Но даже в таком кругу самым последним протягивает свой стакан бывший пленный, самым последним скажет и слово.

Что же делать? Как нам выдать из себя сталинского раба?

Юрий ТЕПЛЯКОВ.

Р. С. Глубокая благодарность доктору исторических наук Михаилу СЕМИРЯГЕ, предоставившему для этой статьи обширный материал, найденный им в немецких архивах. Что же касается документов советских фильтрационных лагерей, то я буду продолжать поиски. Возможно, в этом помогут и наши зарубежные читатели.

ВЮ